

«Русский Моцарт»

М.Ю.Сорокина
Архив РАН

В глубине кладбища старинного немецкого университетского городка Гисен (земля Гессен), под раскидистыми березами, возвышается небольшой памятник с необычной для этих мест надписью кириллицей: «Иван Александрович Лаппо-Данилевский (1896—1931)», ниже — имя по-немецки и уточнение: профессор университета, член-корреспондент Академии наук в Ленинграде. Еще ниже — мемориальная плита с надписью: «Ольга Алексеевна Лаппо-Данилевская (1898—1975)».

Мой путь к этому скромному памятнику был извилист и необычен. В самом начале перестройки мне пришлось издавать архивную рукопись выдающегося русского историка и философа Александра Сергеевича Лаппо-Данилевского (1863—1919) «История политических идей в России в XVIII в. в связи с общим ходом развития ее культуры и политики»*. В предисловии хотелось написать несколько слов об истории семьи ученого, являвшей собой ту самую «пучковость талантов», которая столь характерна для русской культуры Серебряного века. Отец историка — Сергей Александрович Лаппо-Данилевский в течение многих лет был верхнеднепровским предводителем дворянства и таврическим вице-губернатором; мать — Надежда Федоровна Чуйкевич происходила из старинного малороссийского дворянского рода Чер-

ниговской губернии. Один из сыновей А.С.Лаппо-Данилевского — Иван стал математиком и членом-корреспондентом АН СССР, другой — Александр (1898—1920) — художником, учеником известного живописца К.С.Петрова-Водкина.

Казалось само собой разумеющимся, что потомки такой известной дворянской фамилии найдутся быстро, однако первые же результаты поиска оказались обескураживающими. За годы советской власти даже могилы отца и сына, А.С. и А.А.Лаппо-Данилевских на Смоленском кладбище Ленинграда оказались утрачены, а судьба семьи Ивана Лаппо-Данилевского оставалась неизвестна: в 1930 г. он выехал в Гисен, где вскоре скончался. Личный архив ученого пропал, в России сохранилось около десятка его писем да несколько фотографий. Зато обращение в университетский архив Гисена оказалась исключительно результативным: менее чем через месяц после запроса архив сообщил, что потомки И.А.Лаппо-Данилевского, несмотря на катаклизмы середины XX в., по-прежнему живут в этом городе.

Вся научная биография математика Ивана Лаппо-Данилевского уместилась в шесть лет: за этот срок он прошел путь от студента Ленинградского университета до всемирно признанного ученого. Случай в истории науки неординарный, но и не исключительный, ведь сам образ мышления в математике — мгновенные, все постигающие взлеты и прозрения, и как «возмездие» за сверхъяркую вспышку — ранний (физический или творческий) уход.

И.А.Лаппо-Данилевский. 1920-е годы.

И все же еще современник отмечал: «Не часто появляются обладатели такой смелой, свежей и глубокой научной мысли» [1], а философ и историк науки Т.И.Райнов в оставшейся неопубликованной статье, посвященной методологии научного творчества, поставил Лаппо-Данилевского в ряд «русских Моцартов», загадка гения которых остается непознанной [2].

Иван Александрович Лаппо-Данилевский родился 28 сентября 1896 г. в Петербурге. Среди его родственников — один из основателей школы отечественной медиевистики И.М.Гревс и неперменный секретарь Академии наук, индолог С.Ф.Ольденбург, литературовед А.А.Гизетти и революционер-народник Д.Д.Бекарюков, писательница Н.А.Лаппо-Данилевская. Простое перечисление этих фамилий, а также — ближайших друзей семьи — Вер-

* Опубликовано издательством «Наука» в 1990 г. под вынужденно нейтральным названием «История русской общественной мысли и культуры. XVII—XVIII вв.».

А.С.Лаппо-Данилевский.

А.А.Лаппо-Данилевский.

Автопортрет.

надских, Корниловых, Дьяконовых и др., в значительной мере определявших интеллектуальный тонус своего времени, дает представление об атмосфере высокой духовности и научной взыскательности, в которой воспитывался будущий математик. Но доминирующим, а часто и подавляющим, было влияние отца. Сдержанный в употреблении «высокого штиля», академик В.И.Вернадский лишь однажды в своем дневнике изменил этому правилу, характеризуя Лаппо-Данилевского-старшего: «Совершенно выдающаяся образованность и глубина исканий <...> крупное порождение русской культуры, ее исключительного богатства, красоты и мощи <...> ученый и мудрец» [3].

Отец передал сыну свои главные духовные привязанности — любовь к математике, философии и музыке, тем самым как бы предопределив и излом его судьбы. Музыкальная одаренность мальчика проявилась с ранних лет, ему пророчили будущее крупного музыканта, его исполнительский талант был признан и уважаем. Однако ревностное отношение отца к занятиям сына заставило Ивана отказаться от музыкальной карьеры.

Вопреки бытующему мнению о сухости и нежизненности классических гимназий, они многое давали своим питомцам. Частная гимназия г-жи Лентовской, в которой учился Лаппо-Данилевский, была одним из лучших учебных заведений в Петербурге. Здесь в полной мере выявились и математические способности Ивана. В эти годы с ним познакомился его будущий научный руководитель, академик, а в то время преподаватель Петербургского университета В.И.Смирнов. «Он поразил меня, — писал позднее Владимир Иванович, — своим глубоким математическим образованием, горячим стремлением к творческой работе и необыкновенной общностью тех проблем, которые он себе ставил» [4].

Именно эти прекрасные задатки сыграли в дальнейшем роковую роль в жизни молодого человека. Согласно семейному преданию, юный математик показал одно из своих теоретических сочинений академику В.А.Стеклову, который одобрил его, однако не заметил нестрогости отдельных доказательств. Это и стало поводом для душевной драмы юноши, приведшей в 1914 г. к отказу от начавшейся

было учебы в Петербургском университете, а с ней и от занятий наукой. Так с началом первой мировой войны, знаменовавшей этапный момент в истории России, закончился и своеобразный «пролог» жизни Ивана Лаппо-Данилевского.

Кровавые будни гражданской войны не обошли семью Лаппо-Данилевских: в феврале 1919 г. неожиданно скончался Александр Сергеевич, а менее чем через год, в январе 1920 г., — его младший сын. Трагические события катализировали жизненную энергию Ивана; по словам В.И.Вернадского, «он вдруг изменился и проявил блестящие математические способности — уже после революции. Тут я с ним ближе столкнулся — математики видели в нем восходящего гения» [5].

На рабочем столе Лаппо-Данилевского снова появляются листы бумаги, испещренные математической символикой. Однако ради заработка он вынужден отдавать более «низким» занятиям; так, в течение ряда лет он был председателем правления кооператива одного из домов на Васильевском острове. Три года в этой «должности» оказались периодом «коммунального триумфа» Лаппо-Данилевского, выигрывавшего все судебные процессы с подрядчиками на строительство, ремонт и т.п. Профессиональные юристы отказывались верить, что перед ними дилетант в юриспруденции.

Параллельно с возвращением Лаппо-Данилевского в математику шел процесс оживления научной деятельности в академических и университетских учреждениях после окончания гражданской войны. В 1921 г. создается Физико-математический институт РАН. Руководимый академиком В.А.Стекловым, институт в своем математическом отделе сосредоточил лучших математиков Петрограда: здесь работали И.М.Виноградов, Г.М.Фихтенгольц, Н.М.Гюнтер, В.И.Смирнов и др. Одновремен-

но многие из них преподавали в Петроградском университете, где в 1924 г. Лаппо-Данилевский восстановился на физико-математическом факультете.

Для профессуры университета, все более захлестываемого энергичными, но мало подготовленными рабфаковцами, приход Лаппо-Данилевского стал событием. Г.М.Фихтенгольц с горькой иронией заметил: «Ученый с вполне определенной научной индивидуальностью в роли студента производит комическое впечатление» [6]. Но отношение коллег к научной деятельности нового студента не было совершенно безоблачным. Так, академик Стеклов согласился поддержать кандидатуру Лаппо-Данилевского при поступлении в аспирантуру только в том случае, «если оставит глупости», под которыми подразумевал талантливые, но слишком, на его взгляд, широкие и неконкретные размышления молодого математика.

Между тем Лаппо-Данилевский поставил перед собой задачу решить на основе собственной теории ряд проблем, занимавших на протяжении второй половины XIX в. столь блестящие математические умы, как Г.Риман, М.Миттаг-Лефлер, А.Пуанкаре и др., — проблем аналитической теории линейных дифференциальных уравнений. Старая теория, заведенная к тому моменту до известной степени в тупик, в исследовании Лаппо-Данилевского приобрела совершенно иной вид: переменяв самую точку зрения, он создал новую теорию — теорию функций матричного переменного. Предложенный им метод устранял трудности, ранее считавшиеся непреодолимыми. Впоследствии академик Н.Н.Лузин специально отметил изящество решения Лаппо-Данилевского [7].

С середины 20-х научная деятельность И.А.Лаппо-Данилевского развивается с необыкновенной быстротой и интенсивностью. В 1927 г. он публикует свой первый труд (на француз-

ском языке), в 1928-м — основополагающую работу, защищенную позднее в качестве диссертации. К 1929 г. он имел уже 13 публикаций, из них девять — в «Докладах Парижской академии наук». Его работы получают стремительное признание в математическом сообществе. Аспиранта Лаппо-Данилевского приглашают выступить с докладом на I Всероссийском съезде математиков в Москве (1927), первом такого рода собрании после 1917 г.; на Международном математическом конгрессе в Болонье (Италия; 1928). Однако ни то, ни другое выступление не состоялось. Большое сердце, подвергавшееся немислимым для него перегрузкам — для содержания семьи математик был вынужден взять чудовищную лекционную нагрузку (57 часов в неделю!), — не выдерживало.

Наконец, в апреле 1929 г. состоялась блистательная защита диссертации. Отзывы оппонентов и критиков были в высшей степени положительные. Я.В.Успенский считал, что работа Лаппо-Данилевского превосходит самые строгие требования и открывает такие богатые перспективы, что разрабатывать их будет не одно поколение математиков. Н.М.Гюнтер, Н.С.Кошляков, В.И.Смирнов — все предрекали блестящее будущее Лаппо-Данилевскому. Однако некоторые «выдвиженцы» обвинили молодого ученого в схоластике: наука, по их мнению, должна заниматься нуждами практики, народного хозяйства, а не «отлетать» в теоретические эмпирии, не доступные пониманию простого смертного рабфаковца. Трудно сказать, во что могла превратиться эта «ложка дегтя» в годы «великого перелома», — вспомним судьбу, например, Д.Ф.Егорова, но накануне диспута Фихтенгольц получил письмо от профессора Гисенского университета Людвиг Шлезингера (1864—1933), специалиста по обыкновенным дифференциальным уравнениям, который интересовался работами Лаппо-

Данилевского и возможностью его стажировки в Германии. Так возникла перспектива — важная не только в научном, но и в жизненном отношении, ибо давала столь необходимую передышку.

Музыка, как и математика, воспринималась Лаппо-Данилевским как «реальность идеального порядка», в которую только и могут воплотиться абсолютная гармония и красота, столь созвучные духовному настрою ученого. Математический текст часто трансформировался у него в форму нот, и, наоборот, в сочинениях Александра Скрябина и Рихарда Вагнера он находил музыкальный эквивалент математической символике, а в конечном счете и своим философским размышлениям о сущности бытия.

Вот характерный пример из эпистолярия ученого. Обсуждая одно из произведений Вагнера, он писал: «Фет очень красиво издевается над звездами, как они того и заслуживают. Незыблемость, неизменяемость, вечность надо искать совсем не там: ее не может быть в мире эмпирической реальности. Но она зато проявляется полностью в мире идеальной реальности. Например, «созерцающая» формулы Эйлера

$$\sin x = \frac{e^{ix} - e^{-ix}}{2i}, \quad \cos x = \frac{e^{ix} + e^{-ix}}{2},$$

чувствуешь действительно «касание мирам иным». Я привел в пример только звездочки самой последней величины, есть, конечно, несравненно более яркие. Эти звезды никогда не потухнут».

Своих духовных единомышленников Лаппо-Данилевский нашел в лице ленинградского архитектора А.М.Нечаева* и его семьи, вместе с которыми он ос-

* Ученик выдающегося архитектора А.В.Щусева, позднее помощник ректора Архитектурного института. В 1947 г. Нечаевы передали в Публичную библиотеку в Ленинграде ряд сохраненных ими документов И.А.Лаппо-Данилевского. Приношу благодарность потомкам Нечаевых за предоставленные сведения об их семье.

Гисенский университет.

новал Вагнеровский кружок, «изучавший Вагнера с исторической, философской, литературной и музыкальной стороны». Кружок, который занимался далекими от реальности вопросами научно-художественного творчества, стал в условиях 20-х годов, когда все более набирала силу идея коллективизма, подчиняющего и подавляющего личное начало, своеобразной формой интеллектуального и культурного самосохранения, попыткой противостояния и даже протеста против системы тотального единомыслия. Множество таких кружков, существовавших на протяжении 20 — начала 30-х годов, жестоко преследовались властью, видевшей в них очаги не подавленного до конца свободомыслия и, следовательно, угрозу существовавшей идеологической доктрине. В середине 30-х Нечаев был выслан в Архангельскую обл.; вряд ли такая же участь миновала бы и Лаппо-Данилевского.

Однако летом 1929 г. в Ленинград приехал директор европейского представительства Рокфеллеровского института профессор Джонс, согласовавший вопрос о Рокфеллеровской стипендии для Лаппо-Данилевского, который приглашался на стажировку сразу

в два университета — в Гисен к Л.Шлезингеру и в Кембридж (США) к Д.Биркгоффу.

Свой выбор Лаппо-Данилевский остановил на Гисене, в чем, безусловно, важную роль сыграла близость Марбурга, Франкфурта — музыкальных и философских центров Германии, а также удобное географическое расположение, позволявшее легко поддерживать связь с родиной. И 29 сентября 1930 г. больной — внесенный в вагон на руках друзей — Лаппо-Данилевский с семьей (жена и дочь) уезжает в Германию, откуда ему не суждено уже вернуться.

Обстановка в Гисене резко отличалась от советской. Весь уклад жизни университетского городка был подчинен спокойной, размеренной научной жизни его обитателей. «Условия для работы здесь идеальные, — писал Лаппо-Данилевский своему другу и коллеге, математику Р.О.Кузьмину [8]. — Изредка нужно отдать дань местным обычаям: в компании профессоров посидеть пару часов в Café "Amend", затратив на все это удовольствие 1 марку. Что они в этом находят хорошего — не понимаю. Накурено, скверная музыка и корпоранты в цветных фуражках. Здесьние ассистенты тоже сидят в Café

и поправляют студенческие тетради, но к профессорскому столу не допускаются!» [9].

Значительны планы ученого. Академику А.Н.Крылову он сообщил: «Напечатал статью в Comptes rendus, на днях должен сдать в печать в Crelle's Journal первый немецкий мемуар, где излагаются прямые задачи, которые удалось, наконец, довести до конца; в феврале буду делать 2-й доклад в университете; в марте согласно полученного на днях приглашения от Hadamard'a поеду в Париж, чтобы читать доклады в Collège de France, в апреле должен сдать в печать второй немецкий мемуар для Crelle и, наконец, с мая по июль в Sommersemester'e буду читать курс по моей теории в Гисенском университете» [10].

Параллельно в Ленинграде учителя и коллеги Лаппо-Данилевского, в полной мере оценившие талант молодого математика, выдвинули его кандидатуру в члены-корреспонденты Академии наук СССР. Предложение об этом было подписано И.М.Виноградовым, Н.Н.Лузиным и А.Н.Крыловым. Последний, возглавивший после смерти Стеклова в 1926 г. Физико-математический институт, имел на Лаппо-Данилевского особые виды. Сохранился набросок его письма в Президиум АН СССР, в котором он предлагал Ивана Александровича на должность директора математического отделения в его институте [11]. Легко представить, какие перспективы открылись бы перед институтом, если бы удалось реализовать замысел Крылова. Добавлю, что на роль директора физического отделения он предназначал другого рокфеллеровского стипендиата — Г.А.Гамова.

1 февраля 1931 г. Лаппо-Данилевский заочно избирается членом-корреспондентом АН СССР, а через полтора месяца, 18 марта 1931 г., академик А.Н.Крылов получил записку: «Глубокоуважаемый Алексей Николаевич. Мною получена телеграмма о том, что Иван Алексан-

дрович Лаппо-Данилевский скончался в Гисене 15-го марта в 7 ч 45 мин вечера. Е.Лаппо-Данилевская (мать)» [12]. По свидетельству жены, его последние слова были: «Я так устал, так устал, что больше не могу».

После кончины ученого в АН СССР почтили его память и вклад в науку, издав трехтомное собрание сочинений в 1934—1936 гг. Некоторое время в Ленинградском университете работал семинар по изучению теории Лаппо-Данилевского, а в мае 1941 г. одно из заседаний научной сессии механико-математического факультета ЛГУ было посвящено его памяти.

Все годы после кончины ученого его семья (вдова и дочь Ирина) оставалась жить в Гисене. Некоторое время Ольга Лаппо-Данилевская* была домоправительницей в семье профессора-математика Шларпа, выходца из Одессы. Несмотря на предложения германских властей, она долго не меняла гражданства, оставаясь подданной России и православной. Женщина недюжинной силы воли, Ольга Лаппо-Данилевская сумела обеспечить образование дочери, сама изучала математику в Гисене, чтобы редактировать труды скончавшегося мужа, и в 1953 г.

* Дочь известного профессора электротехники Алексея Алексеевича Петровского (1873—1942), ученика А.С.Попова и первого научного руководителя радиолоборатории морского ведомства.

издала в США по-французски, в своем переводе и с предисловием В.И.Смирнова, еще один том его трудов. Человек разносторонних интересов, она профессионально изучала археологию и ботанику, много рисовала и всегда хранила память о своем безвременно ушедшем муже.

Короткая жизнь Ивана Лаппо-Данилевского оказалась отмеченной тем «знаком историзма», который превращает факт в явление, биографию одного в судьбу поколения. Все в ней, изначально predetermined, было сметено и в конечном счете разрушено вихрями эпохи. Со смертью Ивана Александровича оборвалась линия Стрелов—Смирнов—Лаппо-Данилевский, одна из тех многих цепочек, которые принято именовать преемственностью поколений. И с обрывом даже одной из них наука теряет то, что составляет ее жизненную ткань, — личность творца, потеря которого невозполнима. Сколько же таких цепочек прервалось в 20—30-е годы... Масштаб безвозвратно утраченного приоткрывается только сегодня. И было бы непростительным упрощением видеть причины этого исключительно в репрессиях или кампаниях-травлях. Талант по своей природе хрупок и нежен, нуждается в поддержке, помощи и участии, без которых погибает, унося с собой неповторимый мир. Все же частица его всегда продолжит

Могила супругов Лаппо-Данилевских (Гисен, Германия)

ет пребывать среди людей, оставляя надежду на продолжение.

Приношу глубокую благодарность госпоже Ольге Лаппо-Данилевской, внучке Ивана Александровича Лаппо-Данилевского, за предоставленные фотографии и сведения об истории семьи. ■

Работа выполнена при поддержке Российского государственного научного фонда. Проект 01-03-0055.

Литература

1. Федоров Л. Памяти И.А.Лаппо-Данилевского // Природа. 1931. №9. С.924.
2. Райнов Т.И. Пушкин и вопросы научного творчества // ОР РГБ. Ф.441. Картон 3. Д.14. Л.40—42.
3. Вернадский В.И. Дневники 1917—1921 гг.: В 2 т. Т.1: 1917—1919. Киев, 1994. С.129.
4. Лаппо-Данилевский И.А. Теория функций от матриц и системы линейных дифференциальных уравнений. М.; Л., 1934. С.7.
5. АРАН.Ф.518. Оп.2. Д.18. Л.89.
6. СПбФARAN. Разряд IV. Оп.1. Д.853. Л.24.
7. Лузин Н.Н. Собрание сочинений. М., 1959. Т.3. С.349.
8. СПбФARAN. Ф.943. Оп.1. Д.96. Л.1об.
9. И.А.Лаппо-Данилевский — А.М.Нечаеву / Публ. М.Ю.Сорокиной и М.И.Кратко // Нариси з історії природознавства і техніки. Вып.41. Киев, 1994. С.137.
10. Мельников И.Г. Выдающийся математик И.А.Лаппо-Данилевский // Вопр. истории естествознания и техники. Вып.4 (53). М., 1975. С.67.
11. СПбФARAN. Ф.759. Оп.2. Д.106. Л.1—3.
12. СПбФARAN. Ф.759. Оп.3. Д.141. Л.4.